
ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА

Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления¹

Л.Н. ОВЧАРОВА, Д.О. ПОПОВА

Данная статья посвящена рассмотрению динамики уровня жизни российского населения в постсоветский период, который измеряется системой показателей, характеризующих доходы, расходы и потребление домохозяйств. Анализ тенденций в изменении благосостояния домашних хозяйств базируется на двух источниках информации: данные официальной статистики, опубликованные в сборниках и на сайте Росстата; результаты репрезентативных выборочных обследований домашних хозяйств. Там, где это возможно, показатели, полученные на основе официальной статистики и микроданных, сопоставляются. Анализ уровня и структуры доходов позволяет сделать вывод о том, что за 20 лет постсоветского развития в среднем по всем семьям реальные душевые доходы увеличились в полтора раза. Это означает, что в настоящее время в секторе домохозяйств экономика имеет дело с качественно новым уровнем денежных ресурсов. Основные характеристики структуры расходов и потребления российских домохозяйств, индикаторы бедности указывают на то, что мы достаточно далеко продвинулись по пути формирования нового потребительского стандарта, в рамках которого появляются возможность для инвестирования ресурсов домохозяйств в повышение качества человеческого капитала и жизне-сохраняющее поведение. Модель выживания перестала быть массовой.

Ключевые слова: доходы, расходы, потребительский стандарт, пенсия, заработная плата, дифференциация доходов, бедность

Несмотря на то, что взгляд на экономический рост как главный источник развития остается доминирующим в экономической науке, в последние 20 лет этот подход подвергся серьезной критике. Дискуссия по этому вопросу активизировалась в ус-

¹ В статье используются результаты, полученные при реализации авторами проектов Фонда «Либеральная Миссия» (2012 г.); Центра Фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, «Оценка динамики благосостояния населения России и моделирование эффектов влияния налоговой, экономической и социальной политики на сектор домашних хозяйств» (2013 г.); Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект № 12-22-08001.

ловиях последнего мирового кризиса, и значительный вклад в этот процесс внесли нобелевские лауреаты Дж. Стиглиц и А. Сен [Stiglitz, Sen, Fitoussi 2009]. Обсуждая причины кризиса, они отметили растущий разрыв между информацией, содержащейся в агрегированных данных по ВВП, и тем, что действительно значимо для благосостояния, и считают, что пришло время переместить акцент с измерения производства на измерение уровня и качества жизни населения. Это требует создания новой концепции анализа развития, в которой важное место заняли бы показатели благосостояния и устойчивости достигнутых результатов.

На практике при оценке благосостояния ключевая роль отводится доходам домашних хозяйств, которые служат своего рода аппроксимацией потребления – основного индикатора текущего благосостояния, трудно поддающегося прямому измерению [Athkinson 1991]. В ряде случаев предпочтительность доходов при оценке благосостояния обусловлена концептуально, поскольку именно доход является мерой возможностей человека вести тот образ жизни, который воспринимается как стандарт материального благополучия в заданной стране в данный исторический период времени [Sen 1997]. Люди могут сознательно снижать уровень потребления в некоторых ситуациях. Предположим, что основной интерес исследователя направлен на анализ различий в уровне бюджетных возможностей индивидов, а не потребительского поведения домохозяйств. Именно отсюда берет свое начало концепция «минимального дохода», в рамках которой считается, что каждый гражданин имеет право на получение минимального дохода, которым он может распоряжаться по своему усмотрению. Право гражданина на минимальный доход расценивается как предпосылка для полноценного участия в жизни общества, как гарантия «объективной свободы». Волатильность доходов является основной причиной, стимулирующей исследователей опираться на расходы² при анализе уровня жизни, особенно в условиях, когда значительная часть денежных доходов населения скрыта от статистического наблюдения.

Большинство публикаций по проблемам социальной политики и стратификации, посвященных постсоветскому периоду, акцентируют внимание на том, что массовые модели потребительского поведения российских домохозяйств в большей степени ассоциируются со стратегиями выживания домохозяйств, хотя наличие их дифференциация в зависимости от уровня благосостояния [Тихонова 2003, Шкаратан 2003, Смирнов 2004, Сидорина 2004]. При этом общий вектор развития с точки зрения потребительского поведения оценивается неоднозначно. Ряд исследователей рассматривают этот период, скорее, как годы упущенных возможностей для большинства населения [Бобков 2012, Римашевская 2007] и считают, что стандарт выживания продолжает оставаться преобладающим. Придерживающиеся либеральных взглядов макроэкономисты [Дмитриев 2012, Мисихина 2012, Ясин 2011], признавая потери в благосостоянии на этапе структурных реформ, показывают, что за последние десять лет макропоказатели указывают на серьезные

² Еще одна причина связана с широко распространенным (вэлферистским) предположением о том, что полезность связана с потреблением, а не с доходами RAVALLION. M. 1992. Poverty Comparisons: A Guide to Concepts and Methods Washington DC, IBRD/WB.

изменения в потреблении всех социальных страт, включая бедных. Несмотря на непрекращающуюся дискуссию о методологических проблемах российской статистики благосостояния, в первую очередь, связанных с тем, что надежные данные о доходах отсутствуют, публикуемая информация о доходах, расходах и потреблении позволяет оценить основные изменения в текущем потреблении не только на макро-, но и на микроуровне. Важным дополнительным источником эмпирических данных для такого анализа являются ежеквартальное обследование Росстатом бюджетов домохозяйств (ОБДХ) и ежегодное выборочное обследование экономического положения и здоровья населения, проводимое Высшей школой экономики (РМЭЗ)³, которое позволяет изучать структуру и профили домохозяйств с разным уровнем потребления. Какие выводы мы можем сделать о развитии в секторе домохозяйств, исходя из данных о текущем потреблении?

Динамика уровня, структуры и дифференциации доходов населения: где спрятаны ловушки развития?

В постсоветском экономическом развитии России можно выделить три периода: масштабные структурные реформы на фоне глубокого падения (1991–1998 гг.), ускоренный восстановительный рост (1999–2007 гг.) и незавершенный этап стагнации, стартовавший в 2008 г. на фоне мирового экономического кризиса. Особенности доходной обеспеченности и потребления домашних хозяйств будут рассматриваться в привязке к данным тенденциям макроэкономического развития.

Начнем с анализа среднего уровня реальных денежных доходов (*рисунок 1*). В качестве начальной точки для сравнения будет использован 1991 г., предшествующий радикальным структурным изменениям в экономике и политической системе России. Несмотря на то, что за точку отсчета мы выбрали 1991 г., надо отметить, что инфляционные процессы в российской экономике начались намного раньше и выражались не столько в росте цен, сколько в углублении дефицита товаров и услуг, распространении теневой экономики, однако при этом рост номинальных доходов все же обгонял рост цен на товары и услуги.

Россия – одна из постсоциалистических стран, переживших наиболее тяжелую рецессию в 1990-х гг., обусловленную обвалом цен на энергоносители и беспрецедентными по своему масштабу структурными экономическими и политическими реформами. Ее начало сопровождалось существенным сокращением валового внутреннего продукта, реальных денежных доходов населения, заработной платы и пенсий, при том что темпы снижения денежных доходов в 2 раза превышали экономический спад. Наиболее проблемной зоной стала заработная плата: рынок труда при сохранении высокой занятости населения подстраивался к кризисной ситуации за счет ценовой компоненты [*Гимпельсон, Капелюшников 2001*;

³ <http://www.hse.ru/rlms/>

Капелюшников 2009], следствием чего стали более глубокое падение уровня реальных заработков и масштабное распространение механизмов неформальной оплаты труда. Заработная плата в рыночных секторах, предпринимательская деятельность и доходы от собственности тянули экономику вперед, а бюджетный сектор и неконкурентоспособное производство стагнировали, при этом правительство концентрировалось на индексации пенсий, которые большую часть 1990-х гг., вплоть до кризиса 1998 г., индексировались лучше, чем заработная плата. На финальном этапе этот период пересекся с мировым финансовым кризисом и завершился дефолтом в 1998 г., когда реальная заработная плата (без учета скрытой части) составила 27,2% от уровня 1991 г., доходы – 42,6%, пенсия – 29,1%.

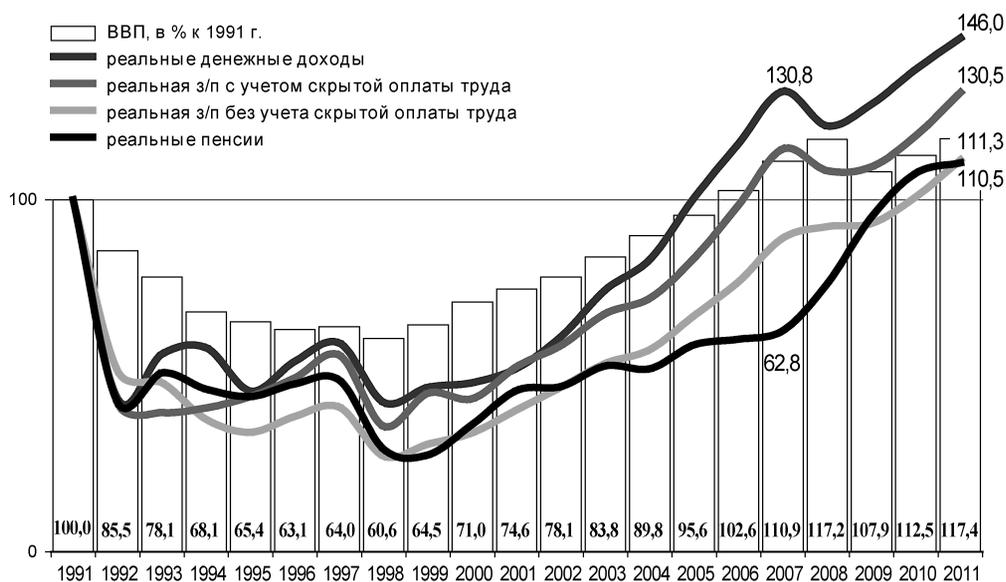

Рисунок 1. Динамика среднедушевых реальных денежных доходов, заработной платы и пенсий, %, (1991 = 100%)

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Далее последовал этап быстрого восстановления и экономического подъема, в основном вызванный ростом мировых цен на энергоносители и преимуществами рыночной конкуренции в немонополизированных секторах экономики, который продолжался до 2007 г. включительно, и был прерван очередным мировым кризисом. Что происходило с доходами населения за эти 9 «тучных» лет экономического роста? В целом за период 1998–2007 гг. средние душевые реальные денежные доходы в ценах 1991 г. выросли в 3 раза, и это при условии, что валовой внутренний продукт увеличился в 1,8 раз. Политикам такие периоды бурного роста дают шанс

для инвестиций, способствующих повышению качества человеческого капитала и эффективности его использования. Судя по тому, что происходило с заработной платой и пенсией, этот шанс был использован, но только частично, поскольку две серьезные проблемы не были решены. Во-первых, возрастала доля скрытой от налогообложения части фонда оплаты труда, и это подтверждается увеличением разрыва между двумя зарплатными кривыми на *рисунке 1*. Масштабная неформальная занятость продолжает и сейчас оставаться отличительной особенностью российской экономики. В период масштабных структурных реформ – это спасательный круг, который позволяет оставаться на плаву, но это действительно спасательный круг и не более, защитный ресурс которого достаточно ограничен по времени и силе действия. Во-вторых, темпы роста реального размера пенсии драматически отставали от роста заработной платы и доходов. Особенно очевидным это стало после начала пенсионной реформы 2002 г., и как результат, в 2007 г., несмотря на 7-летний период быстрого экономического роста и повышение реальных средних душевых доходов до 130,8% от предреформенного уровня, реальная средняя пенсия составляла только 62,8% от уровня 1991 г.

В 2008–2009 гг. мир столкнулся с очередным масштабным экономическим кризисом, последствия, глубина и продолжительность которого не понятны до настоящего времени. В 2008 г., впервые с 1999 г., реальные доходы населения упали на 11%, однако в 2009 г. это падение было полностью отыграно. Применительно к официальной заработной плате сокращения в реальном выражении не произошло, но наблюдалось существенное снижение темпов роста. Отметим, что наиболее сильно от макроэкономического шока пострадала теневая часть зарплаты, однако этот провал был компенсирован в последующие 3 года. Если вернуться к графику на *рисунке 1*, то очевиден факт ускоренного роста средней пенсии после 2007 г. в основном за счет нетрадиционных мер антикризисной программы 2009–2010 гг., реализуемой в преддверии парламентских и президентских выборов, в результате которых в целом за 2 года реальная пенсия увеличилась на 41%. Возможно, это помогло выиграть выборы и решить политические вопросы, но не позволило преодолеть проблемы пенсионного обеспечения: средние за 20 лет темпы роста пенсии находятся существенно ниже темпов роста заработной платы и доходов.

В итоге за годы постсоветского развития мы наблюдаем увеличение среднего размера реальных душевых доходов в 1,5 раза, несмотря на их двукратное падение в результате структурных экономических реформ. Что это означает? Прежде всего, то, что сектор домохозяйств стал обладать совсем другим объемом доходов, которые позволяют перейти к новой модели потребительского поведения. Как правило, при расширении объемов ресурсов домохозяйства смещают потребление в сторону товаров длительного пользования, услуг, расходов на покупку дорого движимого и недвижимого имущества. Далее мы постараемся понять, в какую сторону смещается структура потребления, но сначала остановимся на комментарии относительно системных проблем в оплате труда и пенсионном обеспечении, понимая, что эти два основных источника доходов при распределительной пенсионной системе тесно связаны друг с другом: текущие пенсии формируются за счет отчислений от текущих заработных плат.

Как уже отмечалось, характерной чертой российского рынка труда является балансировка спроса и предложения не за счет высвобождения рабочей силы, как это происходило в других постсоциалистических экономиках, а посредством поддержки сверхгибких механизмов оплаты труда, позволяющих придеривать рабочую силу при существенном сокращении фонда оплаты труда [Гимпельсон, Капелюшников 2001; Малева 2007; Капелюшников 2009]. На протяжении экономического спада 1991–1998 гг. все агенты рынка труда шли по этому пути за счет резкого сокращения оплаты труда. Основными механизмами «зарплатной гибкости» стали изменение переменной и особенно скрытой части заработной платы, задержки ее выплаты, а также отсутствие индексации заработной платы с учетом инфляции. Несмотря на стремительное увеличение зарплаты на этапе экономического подъема, проблема неформальной занятости и низких зарплат в секторах экономики, связанных с формированием человеческого капитала, сохранили свою актуальность. На российском рынке труда хорошие рабочие места концентрируются в сегменте крупных и средних предприятий, на которых в 2012 г. было занято 36,1 млн чел., что составило только 50,6% от общей численности занятых. Проводимые Росстатом исследования по количественному измерению скрытой заработной платы позволили получить ценовой анализ масштабов неформальной занятости (таблица 1), согласно которому в среднем около 40% фонда оплаты труда скрыто от статистического наблюдения. Но не вся скрытая от наблюдения заработная плата классифицируется как теневые доходы, поскольку из наблюдения исключены все заработки работников, занятых на малых предприятиях. Если принимать во внимание масштабы официальной занятости на предприятиях и в учреждениях данного типа и уровень официальной оплаты труда на них, то наши экспертные оценки показывают, что примерно половина нерегистрируемого фонда оплаты труда складывается в рамках непрозрачных трудовых отношений. Относительно пенсий это означает, что примерно 20% фонда оплаты труда не участвует в формировании отчислений на выплату пенсий.

На обозначенном промежутке времени Россия прошла через 3 пенсионные реформы, результатом которых стало введение обязательного участия в пенсионных накоплениях для всех, кто родился после 1967 г., сохранение для всех права одновременного получения пенсии и заработной платы и самого низкого в Европе пенсионного возраста. В 2012 г. была разработана четвертая реформа, сформулированная в Стратегии развития пенсионной системы до 2030 г., согласно которой:

- накопительная часть трансформируется из обязательной в добровольную, что практически блокирует ее развитие;
- предпринята попытка стимулирования более позднего выхода на пенсию при сохранении действующего нормативного пенсионного возраста и всеобщего права получения пенсии и заработной платы в полном объеме для работающих пенсионеров;
- изменения в пенсионной формуле направлены на повышение дифференциации размера пенсии в зависимости от стажа работы, заработка в период трудовой деятельности и срока выхода на пенсию.

Предпринятые преобразования в большей степени направлены на сбалансированность доходов и расходов пенсионной системы, а не на повышение среднего размера пенсий и выравнивание уровня жизни на различных этапах жизненного цикла. Трудно предположить, что в добровольном режиме при высокой инфляции и кризисе фондового рынка накопительная часть пенсии будет значимой хотя бы у представителей среднего класса. Для них более привлекательными являются инвестиции в здоровье, что позволит длительный период совмещать занятость и получение пенсии, или в недвижимость, которая будет монетизирована при наступлении пенсионного возраста.

На примере пенсионного обеспечения можем увидеть одну из ловушек развития: рынок труда и демография не создают базы для эффективной солидарной распределительной пенсионной системы. Значит, отсутствует уверенность в том, что в пожилом возрасте есть высокие шансы на достойный уровень жизни, а если есть страхи по поводу благосостояния в старости, то нет мотивов для преодоления поведенческих факторов высокой смертности. Мощным мотивом к жизнесохраняемому образу жизни может стать участие в накопительной пенсионной системе, и именно по такому пути пошло большинство экономически развитых стран: если 20–30 лет накапливаешь ресурсы на старость, то хотелось бы дожить до того периода, когда сможешь их получать, и пожить некоторое время в условиях обеспеченной старости. В настоящее время в России успешность такого решения поставлена под сомнение высокой инфляцией, кризисом фондового рынка и низкими темпами экономического роста. Проблема выравнивания жизненных шансов на различных этапах жизненного цикла решается при любой модели социально-политического устройства: в доиндустриальные периоды упор делался на ресурсы семьи, но в последующих моделях усиливается роль несемейных ресурсов, в числе которых пенсионное обеспечение – основной инструмент.

Следующим важным источником информации о реализованных упущенных и потенциальных шансах развития представляется структура денежных доходов населения. В последние годы советского периода она в основном соответствовала стандартам общества, прошедшего этап индустриального развития, хотя и демонстрировала ряд отличий от рыночных экономик, проявившихся в статусе доходов от собственности и предпринимательской деятельности (*таблица 1*). Важно подчеркнуть, что в начале рыночных реформ именно предпринимательские доходы и развитие предпринимательства в значительной степени демпфировали для населения негативные последствия структурных экономических трансформаций: в 1993 г. доходы от предпринимательской деятельности составляли 18,6% от общего объема доходов. Многие экономисты именно предпринимательство рассматривали как новую возможность для сектора домохозяйств в условиях рыночной экономики. Однако в период высоких темпов экономического роста и на этапе стагнации данный вид экономической деятельности стал вносить все меньший вклад в доходы населения, и к 2011 г. удельный вес предпринимательских доходов снизился до 9,1%. Динамика структуры доходов населения позволяет рассматривать два последних из анализируемых этапов экономического развития как период упущенных возможностей для активизации предпринимательской деятельности.

Таблица 1. Структура денежных доходов населения России, %

Год	Всего денежных доходов	В том числе (в %)					
		доходы от предпринимательской деятельности	оплата труда, включая скрытую заработную плату	том числе скрытая заработная плата	социальные выплаты	доходы от собственности	другие доходы
1985	100	2,7	74,8	–	16,4	1,5	4,6
1990	100	3,7	76,4	–	14,7	2,5	2,7
1992	100	8,4	73,6	–	14,3	1,0	2,7
1993	100	18,6	61,1	–	15,0	3,0	2,3
1994	100	16,0	64,5	–	13,5	4,5	1,5
1995	100	16,4	62,8	25,0	13,1	6,5	1,2
1996	100	13,1	66,5	25,8	14	5,3	1,1
1997	100	12,5	66,4	27,9	14,8	5,7	0,6
1998	100	14,4	64,9	26,2	13,4	5,5	1,8
1999	100	12,4	66,5	31,2	13,1	7,1	0,9
2000	100	15,4	62,8	24,7	13,8	6,8	1,2
2001	100	12,6	64,6	25,9	15,2	5,7	1,9
2007	100	10,0	67,5	26,1	11,6	8,9	2,0
2008	100	10,3	65,5	20,8	13,2	9,0	2,0
2009	100	9,7	65,2	24,0	14,9	8,2	2,0
2010	100	9,3	64,6	23,0	17,7	6,3	2,0
2011	100	9,1	67,1	25,5	18,3	3,6	2,0

Источник: данные Росстата.

Формально в предпринимательскую деятельность вовлечено порядка 45% всех российских домохозяйств, однако основным каналом включения служит личное подсобное хозяйство, с которым связана деятельность 40% российских семей. Вместе с тем, согласно данным РМЭЗ, только порядка 10% домохозяйств указывают на то, что имеют доходы от личного подсобного хозяйства, и в большинстве этих случаев доступ к такому источнику доходов не позволяет попасть в 40% семей с максимальными доходами. Следовательно, предпринимательство в форме личного подсобного хозяйства является, скорее, моделью выживания, а не развития. Другая группа предпринимателей – владельцы малых предприятий, нотариусы и адвокаты – отличаются высокими шансами попадания в группу 20% самых обеспеченных. Однако такая модель восходящей вертикальной мобильно-

сти на шкале доходной обеспеченности доступна не более 5% российских семей, что подтверждается данными РМЭЗ.

Главное препятствие для развития предпринимательства часто видят в административных барьерах: малые предприниматели – с одной стороны, а банки, чиновники, проверяющие органы – по другую сторону баррикад. В постиндустриальных странах институциональные правила позволяют малому и среднему бизнесу делегировать часть рисков более мощным структурам, способным противостоять административному давлению и создавать благоприятную среду для развития. Речь идет о банках, осуществляющих кредитование и услуги факторинга; страховых компаниях, страхующих основные риски; лизинговых компаниях, обеспечивающих доступ к дорогостоящим движимым материальным активам; владельцах недвижимости, сдающих в аренду помещения; крупных оптовых сетях, закупающим продукцию у предпринимателей и производителей услуг и товаров для малого бизнеса.

Следующий индикатор качества развития – доходы от собственности и финансовых активов. В России в схемы получения таких доходов, составляющих 5–10% в общем объеме доходов населения, также включен достаточно ограниченный круг людей. Согласно авторским оценкам на основе данных второй волны панельного выборочного обследования «Родители и Дети, Мужчины и Женщины в семье и обществе» (РидМиЖ-2007), проведенного Независимым институтом социальной политики в 2007 г., только 2% всех домохозяйств отмечают их как значимый источник денежных поступлений. Среди тех, кто имеет текущие доходы, характерные для среднего класса, их доля составляет всего 3%, а в кругу домохозяйств, отнесенных к среднему классу на основе материальных признаков, характеристик занятости и возможностей контролировать свое социально-экономическое положение, их доля поднимается до 4%⁴.

Таким образом, стратегии формирования доходов, базирующиеся на новых по сравнению с советским периодом источниках денежных поступлений доступны максимально 8% населения, и за последние годы каких-либо значимых институциональных или экономических изменений, расширяющих их круг, не происходило. Этот результат свидетельствует о том, что есть потенциал роста среднего класса за счет преимущественно рыночных источников доходов населения, так как в развитых странах доходы от собственности и предпринимательской деятельности – значимый ресурс для 20–25% населения. Пока все усилия по содействию развитию предпринимательства не достигают желаемой цели, а в ряде случаев, наоборот, подталкивают его к тенизации. Последний пример – это решение относительно повышения нормативного ежемесячного дохода индивидуальных предпринимателей, с которого уплачиваются отчисления в Пенсионный фонд до двух размеров минимальной оплаты труда. Первая реакция на такую политику проявилась в I квартале 2013 г., когда 300 тыс. индивидуальных предпринимателей аннулировали свой юридический статус, и с высокой вероятностью можно предположить, что процесс сокращения численности предпринимателей продолжится.

⁴ Подробно об авторской точке зрения о том, кого относят к среднему классу см.: [Авдашева, Малева, Овчарова, Овчинников, Шаститко 2008].

Еще один сюжет, на обсуждение которого провоцируют изменения в структуре доходов населения, это доля в общем объеме доходов населения социальных трансфертов. Данные *таблицы 1* указывают на то, что в 2011 г. она поднялась до беспрецедентно высокого уровня (18,3%), что не наблюдалось даже в советский период. Нарастивание удельного веса социальных выплат происходит как за счет роста пенсий, так и социальных пособий. В структуре последних лидируют выплаты отдельным льготным категориям граждан и пособия на поддержку семей с детьми, но в общем объеме социальных выплат в различные годы пенсии составляли 67–70% от всех социальных трансфертов. То, что наблюдаемые масштабы перераспределения доходов в секторе домохозяйств уже выше, чем в советское время, отличающееся повышенным вмешательством государства в экономику, в том числе и на уровне семей, – это тревожный сигнал. Его можно трактовать как руководство к тому, чтобы приостановить рост расходов консолидированного бюджета на социальные выплаты. Однако налицо факт, что средняя пенсия продолжает оставаться на достаточно низком уровне по сравнению с заработной платой: в феврале 2013 г. она составила 9711 руб., т.е. 36% от средней заработной платы.

Возрастающая роль социальных трансфертов в доходах населения является реакцией на высокое неравенство и попыткой выровнять доходную обеспеченность на различных этапах жизненного цикла за счет перераспределения. При солидарной пенсионной системе и плоской шкале подоходного налога все возникающие в этой сфере риски государство принимает на себя. Была предпринята попытка их диверсификации посредством введения налога на роскошь и развития накопительной компоненты пенсионного обеспечения инструментами добровольных и обязательных отчислений. Пока не наблюдается значимого результата от запущенных механизмов, более того, развитие инструментов пенсионных накоплений практически заблокировано инициативами новой стратегии пенсионного обеспечения. Если рассуждать о возможных развилках в будущем, то просматриваются два варианта: либо признать, что распределительная пенсионная система гарантирует только защиту от бедности и не более того, что усложняет взаимоотношения со средним классом, либо задействовать налоговые инструменты, что создает напряжение во взаимоотношениях с элитами. В этой связи резкий уход государства из системы пенсионных накоплений представляется ошибочным.

Высокое неравенство – возможно, здесь следует искать работающие лифты для успеха?

Дифференциация населения по уровню благосостояния постоянно находится в поле зрения и периодически становится предметом острых социально-политических дискуссий. Исследователи рассматривают рост неравенства доходов как один из главных социально-экономических рисков, порождаемых глобализацией [Porter 1990; Landes 1998; Firebaugh 2003; Firebaugh, Goesling 2011]. Особое значение проблема неравенства приобрела в связи с рыночной трансформацией постсоци-

алистических стран, сопровождаемой скачкообразным ростом дифференциации доходов. В конце 1980-х гг. Россия, наряду со скандинавскими странами, входила в группу стран с низким уровнем дифференциации доходов [ОЕСД 2008]. Согласно официальным данным Росстата, в первые годы структурных реформ в России, на фоне рецессии и двукратного падения доходов, фондовый коэффициент дифференциации увеличился с 4,5 раз в 1991 г. до 15,1 раз в 1994 г. (таблица 2). Далее наблюдалось незначительное снижение, и период высоких темпов экономического подъема отличался ростом неравенства, сменившееся снижением на этапе стагнации. Следует отметить активную дискуссию экспертного сообщества по вопросам моделирования распределения домашних хозяйств по доходам. Многие исследователи считают и аргументировано доказывают, что публикуемые официальной статистикой значения фондового коэффициента и других оценок неравенства занижены.

Таблица 2. Динамика индикаторов неравенства в 1991–2011 гг.

Год	Дифференциация доходов		Дифференциация заработной платы	
	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов, раз
1991	0,260	4,5	0,317	7,8
1992	0,289	8,0	–	–
1993	0,398	11,2	–	–
1994	0,409	15,1	0,439	23,4
1995	0,381	13,5	0,454	26,4
1996	0,375	13,0	0,445	24,0
1997	0,390	13,6	0,447	25,0
1998	0,394	13,8	–	–
1999	0,399	13,9	0,480	32,1
2000	0,395	13,9	0,483	34,0
2001	0,397	13,9	0,508	39,6
2002	0,397	14,0	0,477	30,5
2003	0,403	14,5	0,481	30,0
2004	0,409	15,2	0,467	26,4
2005	0,409	15,2	0,456	24,9
2006	0,416	16,0	0,459	25,3
2007	0,423	16,8	0,447	22,1
2008	0,423	16,9	0,439	20,6
2009	0,422	16,7	0,418	14,7
2010	0,420	16,5	0,413	14,4
2011	0,416	16,1	0,425	16,1

Источник: данные Росстата.

Как известно, в настоящее время источником первичных данных для определения неравенства доходов российского населения служат данные проводимого Росстатом обследования бюджетов домохозяйств (ОБДХ), выборка которого, по разным оценкам, репрезентирует от 80% до 97% российского населения. Из выборки выпадают «крайние» слои населения: как самая бедная и социально уязвимая часть населения (бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы и пр.), так и самые богатые. Для корректировки этого факта Росстат проводит дооценку денежных доходов (примерно на 20% в соответствии с данными о розничном товарообороте) на основе ряда распределения, выровненного по двухпараметрической логнормальной модели. До 1992 г. методика построения распределения по доходам состояла в том, что один из параметров этой модели – среднеквадратическое отклонение логарифмов – оценивался на основе данных ОБДХ, а другой параметр – уровень среднедушевого дохода – определялся по данным баланса денежных доходов и расходов. При этой методике оценки неравенства для всего населения практически совпадали с их значениями по бюджетной статистике. Начиная с 1992 г., Росстатом используется иной метод, который невозможно идентифицировать на основе официальных публикаций. Целесообразность использования логнормальной модели для оценки неравенства в распределении доходов населения России в настоящее время вызывает большие дискуссии в научном сообществе.

По мнению А.В. Суворова, в условиях беспрецедентного роста дифференциации доходов «динамика средних показателей утрачивает свою представительность» и для характеристики уровня жизни следует использовать модальный доход как наиболее часто встречающийся, типичный для основной массы населения [Суворов 2001]. Таким образом, автор предлагает дополнить логнормальную модель еще одним параметром – модальным доходом, полученным из данных бюджетных обследований. По расчетам этой трехпараметрической логнормальной модели были получены альтернативные оценки фондовых коэффициентов дифференциации, которые в период 1997–2000 гг. составляли около 40 раз (в 1997 г. – 38,3 раза, в 1998 г. – 38,7 раза, в 1999 г. – 38,8 раза, в 2000 г. – 41,2 раза), что более чем в три раза превышает официальные оценки [ПРООН 2003].

Большой вклад в повышение точности практических измерений неравенства внесли методологические разработки А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты [Шевяков, Кирута 2001; Шевяков, Кирута 2002]. Они также доказывают, что занижение показателей неравенства в официальной статистике связано с несовершенством методики расчета оценок неравенства на основе логнормальной модели, которая не точно отражает фактическое распределение по доходам. В отличие от А.В. Суворова, который предлагает корректировать эту модель путем включения в нее дополнительного параметра – модального дохода, Шевяков и Кирута предлагают использовать принципиально новый методологический подход к моделированию распределения доходов, основанный на объединении разработанной ими методики взвешивания выборочных данных с непараметрическими методами оценивания функции плотности распределения. По их расчетам, в 1991 г. значение фондового коэффициента дифференциации составило 8,9 раза против 4,5 раза по официальной методике Росстата, а в 1997 г. – 23,3 против 13,5 раза. В целом рассчитанные авторами показатели неравенства в 1,5–2,0 раза превышают официальные оценки.

Результаты исследований, проводимых в Лаборатории распределительных отношений ИСЭПН РАН, продемонстрировали, что официальные показатели неравенства занижены по крайней мере в 1,5 раза. Например, была предпринята попытка пересчета коэффициента фондов в целом по России [ИСЭПН 2003]. С 1995 г. коэффициент фондов оценивается по имитационной модели, игнорирующей региональные различия в стоимости жизни (что завышает реальный уровень неравенства) и региональные различия в неравенстве доходов (что занижает реальный уровень неравенства). Другими словами, в первую децильную группу российской выборки собираются все децильные группы региональных выборок, т.е. 10% самых бедных в Москве объединяются с 10% самых бедных в Дагестане и пр., при этом считается, что покупательная способность доходов везде одинакова [Великанова, Колмаков, Фролова 1996]. Официальный фондовый коэффициент дифференциации для населения России, рассчитанный таким образом, в 2000 г. составил 13,9 раза. Оценки, полученные ИСЭПН РАН, показали, что если пересчитать официальное распределение численности населения по величине среднедушевых денежных доходов в среднем по населению РФ путем суммирования соответствующих численностей по регионам, то разрыв в денежных доходах 10% самых бедных и 10% наиболее богатых россиян составил бы не менее 16–17 раз. В целом существующие оценки неравенства дают представление о его масштабах, однако необходимо подчеркнуть, что достоверных количественных оценок уровня неравенства не дает ни одна из существующих в стране форм статистического учета и методик расчета.

Учитывая наблюдаемую в России дифференциацию доходов, имеет смысл оценивать динамику роста доходов в разрезе 20%-ных групп (рисунок 2). Описанная выше динамика средних доходов в реальном выражении наиболее близка к динамике доходов четвертого квинтиля. Три нижние квинтильные группы (или 60% населения страны) имели более низкие темпы роста доходов на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, по показателю реальных денежных доходов домохозяйства из третьей квинтильной группы лишь к 2007 г. достигли уровня 1991 г., а домохозяйства из двух наиболее бедных групп по-прежнему находятся ниже данного уровня. Пятый квинтиль (с самыми высокими доходами), напротив, значительно оторвался от остальных домохозяйств, нарастив доходы более чем в 2 раза. Это означает, что гипотеза о массовой смене потребительской модели может не пройти тест на неравенство доходов, поскольку изменения концентрируются в кругу высокодоходных групп.

В этой связи следует более подробно остановиться на трех сюжетах, характеризующих неравенство. Первый связан с заработной платой, которая традиционно характеризуется большей дифференциацией, особенно в том случае, когда речь идет о коэффициенте Джини, учитывающим неравенство по всему ряду распределения, а не только на его «хвостах», что характерно фондовому коэффициенту дифференциации. Действительно, в период структурных реформ ярко проявилась именно эта тенденция, и она продолжалась в первые годы ускоренного экономического роста (таблица 2). Начиная с 2002 г., фиксируются ускоренные темпы снижения неравенства в оплате труда, и эта тенденция сохранилась и на этапе стагнации. Как и в случае оценки неравенства по доходам, источники информации о дифференциации опла-

ты труда достаточно ограничены. Если обращаться к официальным публикациям, то в распоряжении исследователей находятся только данные проводимого Росстатом обследования неравенства заработной платы, выплаченной в апреле работникам крупных и средних предприятий. На данный сегмент занятости приходится примерно половина всех работников и порядка 60–70% фонда оплаты труда. Второй нюанс связан с данными за апрель, когда практически вся переменная часть оплаты труда не наблюдается. По оценкам за разные годы переменная составляющая оплаты труда – это 30–50% от годового фонда зарплаты. С высокой вероятностью можно предположить, что учет всех сегментов экономики и переменной части заработков приведет к росту зарплатного неравенства. Только недоучет более чем половины трудовых доходов наемных работников можно объяснить не только различия в темпах изменений неравенства в доходах и заработной платы, но и противоположную направленность изменений на отдельных временных промежутках.

Несмотря на то, что сравнение динамики индексов неравенства доходов и заработной платы не представляется корректным, мы можем сделать определенные выводы относительно того, что управляло неравенством на крупных и средних предприятиях. Для этой цели данные *таблицы 2* дополним графиком на *рисунке 3*, показывающем динамику средней заработной платы в данном сегменте экономики,

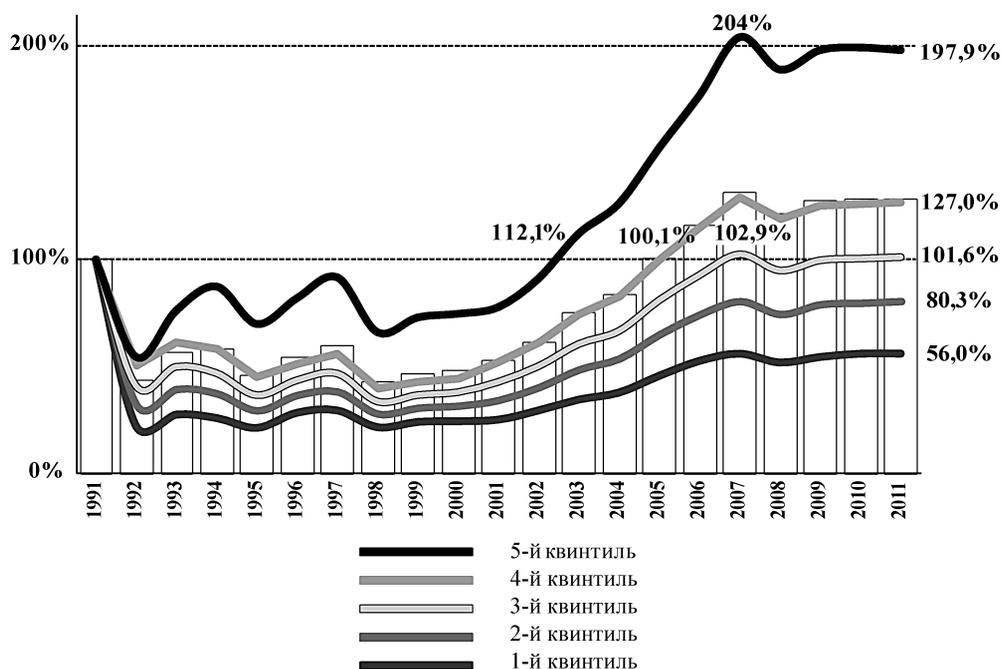

Рисунок 2. Динамика реальных денежных доходов по 20%-ным доходным группам, 1992–2011 гг. (1991 = 100%)

Источник: рассчитано по данным Росстата.

выделив отдельно минимальную заработную плату и среднюю заработную плату в преимущественно бюджетных секторах экономики, представленных образованием и здравоохранением. На этапе экономического роста, когда минимальная заработная плата росла достаточно низкими темпами, неравенство снижалось за счет повышения зарплаток низкооплачиваемого рыночного сегмента экономики. В частности, в 2002–2003 гг. этот эффект в основном обеспечивали сельское хозяйство, пищевая промышленность, строительство и розничная торговля. В период стагнации существенный вклад в снижение неравенства внесли ускоренный рост минимальной оплаты труда и зарплаток в бюджетном секторе экономики. Снижение неравенства преимущественно за счет более высоких темпов роста зарплаток в низкооплачиваемом сегменте – это еще один аргумент в пользу того, что Россия преодолевает стандарт выживания как массовую модель потребительского поведения.

Второй вопрос, который заслуживает внимания при обсуждении динамики доходного неравенства в постсоветской России, это сравнение результатов альтернативных исследований. С этой целью обратимся к данным проводимого НИУ ВШЭ обследования РМЭЗ, позволяющего охарактеризовать динамику дифференциации в 1992–2010 гг., используя единую методологию на протяжении всего рассматриваемого периода. Ранее уже отмечалось, что эмпирической основой для официальных

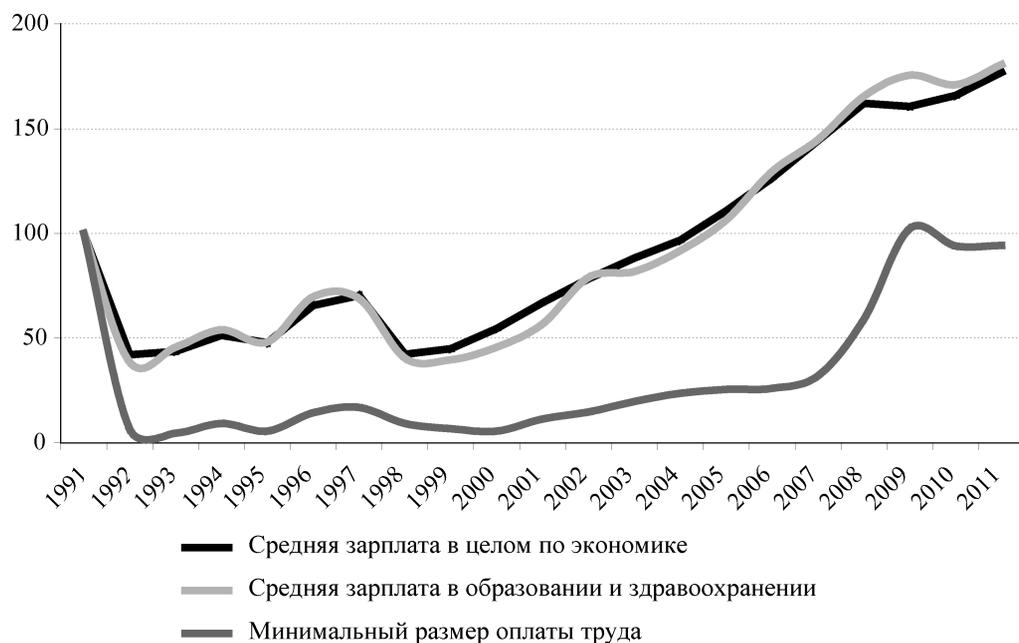

Рисунок 3. Динамика характеристик оплаты труда на крупных и средних предприятиях, в реальных ценах 1991 г., 1991 г. = 100%

Источник: рассчитано по данным Росстата.

оценок неравенства являются данные ОБДХ. На *рисунке 4* представлены абсолютные значения двух индексов неравенства, используемых в официальных публикациях Росстата – коэффициента Джини и коэффициента фондов. Поскольку официальные оценки распределения по доходам выводятся из данных о расходах, при работе с данными РМЭЗ также оперировали показателем *душевых денежных расходов*⁵. Данные о расходах считаются более надежным показателем для оценки неравенства на основе данных выборочных обследований населения, особенно в период структурных реформ, и более устойчивы к случайным колебаниям в сравнении с доходами⁶.

Что показывают результаты сравнения? Во-первых, данные РМЭЗ фиксируют гораздо больший размах дифференциации в период рецессии 1990-х гг.: в 1992 г.

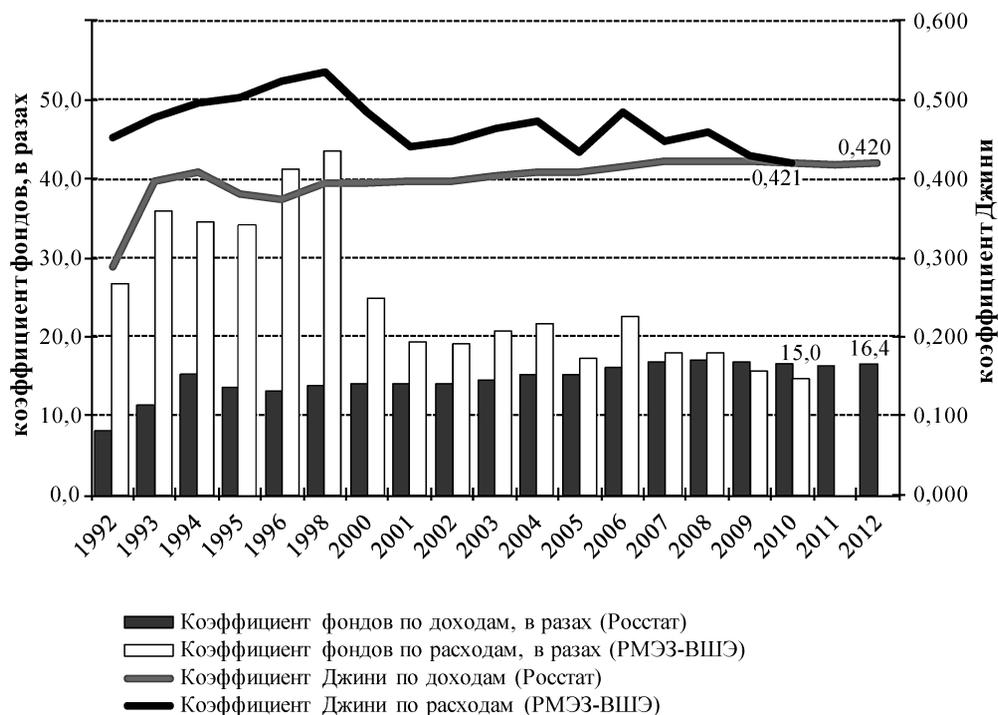

Рисунок 4. Динамика индексов неравенства в 1991–2010 гг. по данным Росстата и РМЭЗ

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ и Росстата.

⁵ Последние включают все виды денежных расходов за месяц, предшествующий интервью, включая расходы на питание (в том числе вне дома), расходы на непродовольственные товары и услуги, трансферты другим домохозяйствам или организациям (займы, финансовая помощь, сбережения). Наконец, показатель душевых расходов был скорректирован с учетом различий в стоимости жизни в разных регионах страны: для этого душевые расходы умножались на коэффициент, равный соотношению стоимости общероссийского и регионального прожиточного минимума в соответствующем году. Показатели за 1997 г. и 1999 г. отсутствуют, так как в эти годы обследование РМЭЗ не проводилось.

⁶ Превышение расходов над доходами, особенно в 1990-х гг., было зафиксировано в работе, выполненной на данных обследования РМЭЗ 1994–2005 гг. См.: [Gorognichenko, Sabirianova, Stolyarov 2010].

значение коэффициента Джини по данным РМЭЗ составило 0,453, что в 1,6 раза выше официального показателя, а разрыв в значении коэффициента фондов составлял более 3 раз. Во-вторых, в отличие от официальных данных альтернативные источники информации показывают, что на этапе экономического роста происходило существенное снижение неравенства, при этом с 2007 г. сравниваемые источники информации стали показывать сопоставимый уровень дифференциации.

В политической риторике стало модным негативное отношение к неравенству, хотя именно благодаря неравенству формируются модели трансформации образования и занятости в доходы и доходов в инвестиции. Региональное и поселенческое неравенство в доходах – это маркер для перемещения трудовых ресурсов к точкам роста, хотя население в целом негативно относится к территориальному неравенству в доходах. Изучение факторов неравенства на микроуровне позволит, во-первых, определить лифты восходящей доходной мобильности, во-вторых, оценить их силу.

Провести такой анализ позволяет декомпозиция агрегированных индексов неравенства по подгруппам населения, которая была реализована Д.О. Поповой. Если рассматривать весь имеющийся набор доходов как совокупность, где подгруппами являются группы индивидов, выделенные на основе какого-либо признака, можно разложить общее неравенство доходов на неравенство между этими подгруппами и неравенство внутри подгрупп. Некоторые индексы неравенства, например, меры, принадлежащие к классу Обобщенной Энтропии, без остатка раскладываются на внутри- и межгрупповую компоненты неравенства [Shorrocks 1984; Theil 1967; Shorrocks 1980]. Внутригрупповая компонента равна сумме индексов всех подгрупп, перевзвешенных по доле населения в подгруппах; межгрупповая компонента неравенства рассчитывается также как сам индекс неравенства за тем исключением, что индивидуальные доходы заменены средними доходами подгрупп. Последняя интерпретируется как вклад данного фактора в общее неравенство.

На неравенство доходов могут влиять как различия в доходах между группами населения с разными демографическими характеристиками (возраст, структура домохозяйства), так и изменения демографической структуры. Возраст индивида отражает его положение на карьерной лестнице и стадию жизненного цикла семьи. Заработная плата, как правило, растет с возрастом за счет накопленного опыта работы и/или роста соответствия между навыками работника и требованиями работодателей. Стадия жизненного цикла семьи также оказывает влияние на доходы домохозяйства: последние, как правило, снижаются за счет присутствия детей. Демографические изменения, такие как старение населения и снижение рождаемости, также влияют на неравенство доходов. Увеличение продолжительности жизни и пенсионного возраста когорт, родившихся в период «бэби-бума» привели к изменениям в возрастной структуре населения: доля пожилых растет, тогда как доля детей и трудоспособных сокращается. Снижение рождаемости и увеличение вероятности распада союзов ведут к сокращению среднего размера домохозяйств.

Так как доходы от занятости являются основным источником существования для большинства обычных домохозяйств, доходы домохозяйств в значительной степени определяются статусом членов домохозяйства на рынке труда. Как краткосрочные флуктуации уровня безработицы, так и более фундаментальные

изменения (например, рост занятости женщин или увеличивающаяся сегментация рынка труда) влияют на статус занятости домохозяйств. Таким образом, изменения на рынке труда – важные драйверы неравенства. Образование является детерминантой перспектив индивида на рынке труда. В соответствии с теорией человеческого капитала индивидуальная производительность растет вместе с числом лет обучения, что отражается в более высокой зарплате людей с высоким уровнем образования. Следовательно, уровень образования влияет на доходы индивидов и домохозяйств. Изменение структуры образования (например, расширение доступности высшего образования) и рост доходных различий в зависимости от уровня образования становятся важными драйверами неравенства доходов на микроуровне.

Перспективы индивида на рынке труда также могут зависеть от пространственных аспектов рынка труда: доступность занятости и оплата труда могут быть выше в более урбанизированных районах. Экономическая активность часто концентрируется в крупных городах, и это приводит к большому спросу на труд в урбанизированных территориях. Если существуют препятствия на пути мобильности населения, пространственное неравенство может стать источником застойного неравенства и бедности домохозяйств, проживающих в экономически неразвитых районах.

Таким образом, мы исходим из того, что уровень экономического благосостояния домохозяйств определяется их демографической структурой (число взрослых и детей, пол и возраст членов домохозяйства), социально-экономическим статусом (уровень образования и статус занятости членов домохозяйства) и «внешними» факторами, связанными с местом проживания. В отличие от традиционного подхода к агрегированию индивидуальных признаков до уровня домохозяйства, использующих в этих целях характеристики главы домохозяйства, в данной работе применяется типология домохозяйств на основе доминирования определенного признака в домохозяйстве⁷. Финальный набор факторов включил следующие характеристики домохозяйств: (1) *размер домохозяйства*, (2) *гендерный состав* (соотношение числа взрослых женщин и мужчин), (3) *возрастная структура* (соотношение числа индивидов в возрасте 65 лет и старше и индивидов в возрасте 18–64 лет), (4) *детская нагрузка* (соотношение числа детей до 18 лет и работающих взрослых), (5) *уровень образования* (соотношение числа взрослых с высшим и без высшего образования), (6) *статус занятости* (соотношение числа занятых и незанятых взрослых⁸), (7) *тип населенного пункта*, (8) *регион*⁹. Результаты декомпозиции представлены на рисунке 5.

⁷ Традиционный подход имеет серьезные ограничения, учитывая, что идентификация главы домохозяйства основана на субъективных критериях. Как правило, статус главы автоматически приписывается мужчине или самому старшему члену домохозяйства, или индивиду с самым высоким доходом. Менее спорный подход заключается в случайном отборе индивида внутри домохозяйства. Последнее вносит некоторый элемент риска, например, мы можем ошибочно отобрать мужчину в качестве представителя домохозяйства, состоящего из трех женщин и одного мужчины. Тем не менее в больших выборках эта ошибка будет незначительной, тогда как в меньших выборках метод, основанный на доминировании признака предпочтителен.

⁸ Категория «незанятый» включает безработных и экономически неактивных.

⁹ Выборка РМЭЗ не репрезентативна в региональном разрезе, поэтому она не может быть использована для оценки неравенства внутри отдельных регионов, однако это не является препятствием при оценке межгрупповой компоненты неравенства.

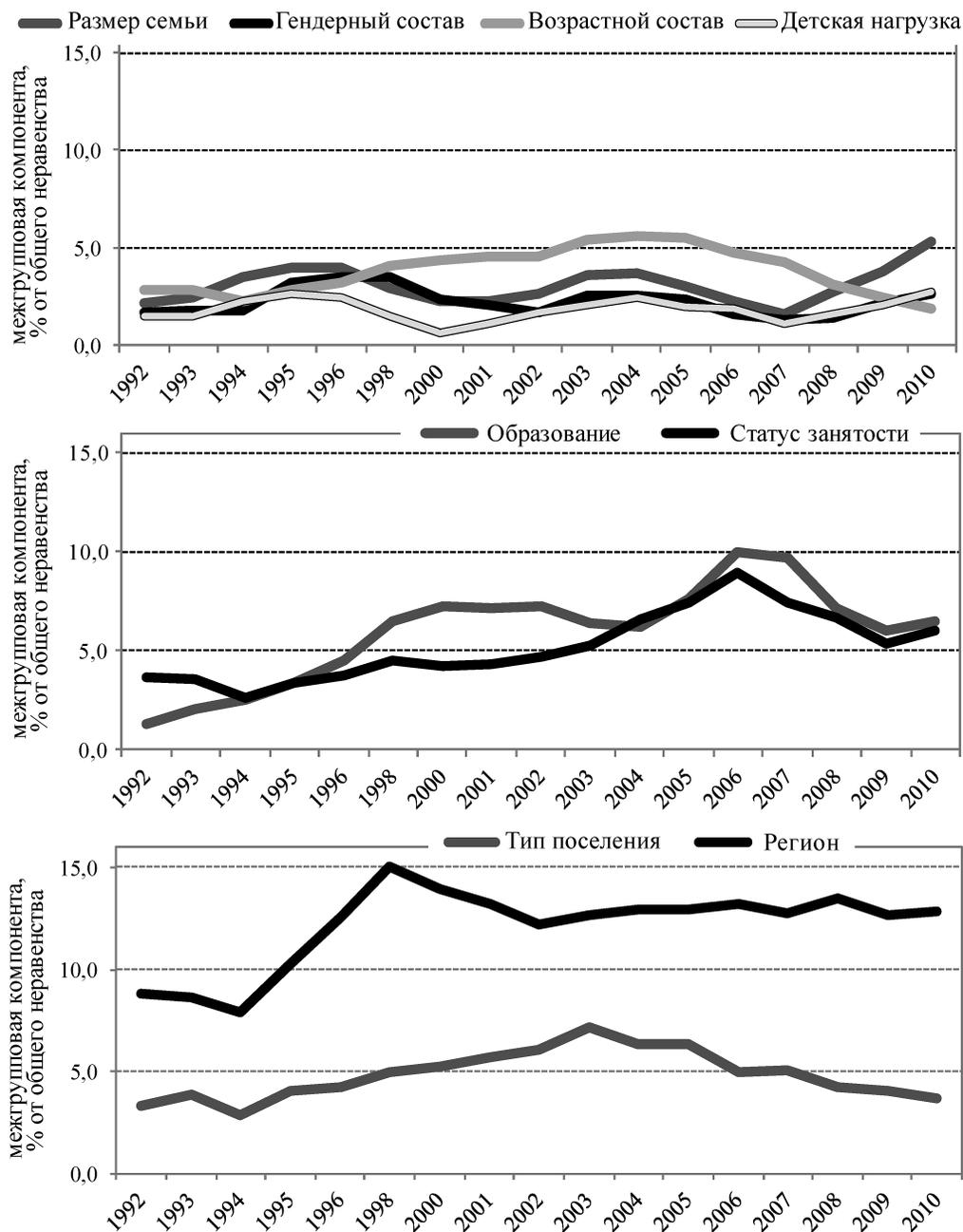

Рисунок 5. Факторы неравенства в 1992–2010 гг. (вклад межгрупповой компоненты в общее неравенство, среднее логарифмическое отклонение)

Примечание: для данного размера выборки, значимыми считаются факторы, вес которых превышает 5%.

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ.

Демографические факторы достигают 5%-ного порога лишь в отдельные годы, и ни один из них не преодолевает порога в течение всего периода 1994–2010 гг. Например, вклад фактора «размер семьи» приближался к 5% в 1995–1996 гг. и к 4% в 2003–2004 гг. В 2009 г. его значение вновь стало расти, перешагнув порог 5% в 2010 г. На протяжении 1998–2007 гг. наиболее значимый вес среди демографических факторов (около 4–5%) имела «возрастная структура», в последние годы потерявшая свое влияние.

Фактор «высшее образование» не входил в число значимых в начале переходного периода (в 1992 г. его вклад в неравенство составлял менее 2%), и хотя его вес начал расти уже в середине 1990-х гг., заметный скачок вверх произошел лишь в 1998–2000 гг. В первой половине 2000-х вклад фактора колебался на уровне 7–8% с одномоментным снижением до 6% в 2003–2004 гг. В 2006–2007 гг. он набрал максимальный вес (10%), опережая все остальные факторы неравенства, помимо регионального. С началом кризиса в 2008 г. удельный вес «образования» снизился до 6–7%, однако по данным за 2010 г. вновь фиксируется прирост веса данного фактора.

Динамика веса фактора «статус занятости» в значительной степени повторяет динамику «образования». В начале 1990-х гг. вклад данного фактора в неравенство не превышал 5%. В дальнейшем он непрерывно возрастал, достигая максимума в 2006 г. (9%). В период 2008–2009 гг. значение фактора снижалось, а в 2010 г. вновь наблюдается положительная тенденция роста, однако насколько она прочна, покажут дальнейшие наблюдения.

Стабильно высокий вес на протяжении всего рассматриваемого периода имели оба фактора, связанные с местом проживания домохозяйства. Значение фактора «тип поселения» находилось около 5%-ного порога с середины 1990-х до начала 2000-х гг. В 2003 г. вес фактора достигал максимального уровня (7,2%), а начиная с 2004 г., фактор стал терять свою значимость, приблизившись к значению 4% в 2008–2010 гг. Значимость региональных различий для объяснения общего неравенства была высокой уже в 1992 г. (9%), но особенно заметный скачок веса данного фактора пришелся на вторую половину 1990-х гг., когда его значение выросло до 15%. Учитывая, что используемый нами показатель душевых расходов сглажен по регионам, можно предположить, что вклад регионального фактора на самом деле еще выше. В начале 2000-х гг. межрегиональные различия, судя по всему, стали падать и значение фактора в 2002 г. опустилось до 12%. Однако ресурсы снижения на этом были исчерпаны, и в последние несколько лет значение регионального фактора замерло на уровне 13%, что как минимум в 2 раза выше веса любого из рассматриваемых факторов.

В целом за годы постсоветского развития произошло усиление значимости всех факторов неравенства, за исключением возрастной структуры, что позволяет сделать вывод о более четком прорисовывании лифтов восходящей доходной мобильности. Однако самые высокие темпы роста имел фактор «уровень образования», вес которого увеличился почти в 5 раз, а если исключить из рассмотрения кризисные годы (2008–2010 гг.) – в 7 раз. Следовательно, несмотря на все особенности экономического развития, проведенный анализ подтверждает, что инвестиции в человеческий капитал дают высокую отдачу, а новая модель развития связана именно с человеческим потенциалом. В течение всего рассматриваемого

периода наиболее весомым фактором дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов оставалось региональное неравенство, что отражает закономерности экономического развития, в котором ставка сделана на крупные города и сырьевую экономику. Как будет показано ниже, семьи с детьми отличаются максимальными рисками бедности, но по результатам данного анализа мы видим, что они отличаются высокой внутригрупповой, а не межгрупповой, дифференциацией доходов, что является аргументом в пользу развития программ, адресованных именно бедным семьям с детьми.

Насколько хорошо работают обозначенные лифты доходной мобильности? Для ответа на этот вопрос обратимся к методу межстрановых сопоставлений. Отличается ли Россия от других стран по набору и весу факторов неравенства? Метод декомпозиции неравенства неоднократно использовался различными авторами, исследующими эффект индивидуальных и домохозяйственных характеристик на неравенство доходов в Европе и странах ОЭСР [Förster 2000; Mitra, Yemtsov 2006; IBRD/WB 2006]. Последние результаты применения данного метода для стран ЕС приведены в годовом отчете Обсерватории социальных процессов, существующей при поддержке Европейской комиссии [ЕС 2009]. Для целей сравнительного анализа при расчете российских показателей мы опирались на методологию расчета доходов и типологий домохозяйств, примененную в данном докладе. *Рисунок 6* показывает, как эффект различных факторов неравенства (средние невзвешенные значения межгрупповых компонент неравенства) варьирует в кластерах стран с разными моделями государства благосостояния. В сравнении с европейскими странами в России наблюдается более низкий вклад межгрупповых различий в общее неравенство: ни один признак из нашего набора не имеет веса выше 10%. Это означает, что обусловленные неравенством лифты восходящей доходной мобильности, включая образование, работают слабо и только поселенческий фактор является исключением из этого правила. Усиливает данный вывод еще и тот аргумент, что межгрупповые неравенства ниже европейских при условии, что общее неравенство в России, как минимум, в два раза выше европейского.

По структуре факторов неравенства Россия не похожа ни на одну из европейских моделей. В России различия по уровню образования являются более значимой причиной неравенства, чем интенсивность занятости. Такая же ситуация характерна для стран Центральной Европы, континентальных и южно-европейских государств, тогда как в англо-саксонских странах образование и интенсивность занятости имеют примерно одинаковый эффект, а в балтийских странах интенсивность занятости является самым важным фактором неравенства. В среднем по всем кластерам наблюдается более низкий эффект демографических переменных в сравнении с эффектом образования и интенсивности занятости. Лишь скандинавские страны демонстрируют отличную модель с практически равным весом демографических характеристик и данных, связанных с рынком труда.

Таким образом, проживание в благополучных регионах и типах поселения, доступ к образованию и рынку труда вносят существенный вклад в неравенство, но их мощности недостаточно для того, чтобы по социальным лифтам заставить работать межгрупповое неравенство на снижение общего неравенства. Если лифты восходящей

доходной мобильности работают слабо, то повышается вероятность запуска перераспределительных механизмов посредством налоговых инструментов и расширения платности в социальной сфере для обеспеченных слоев населения.

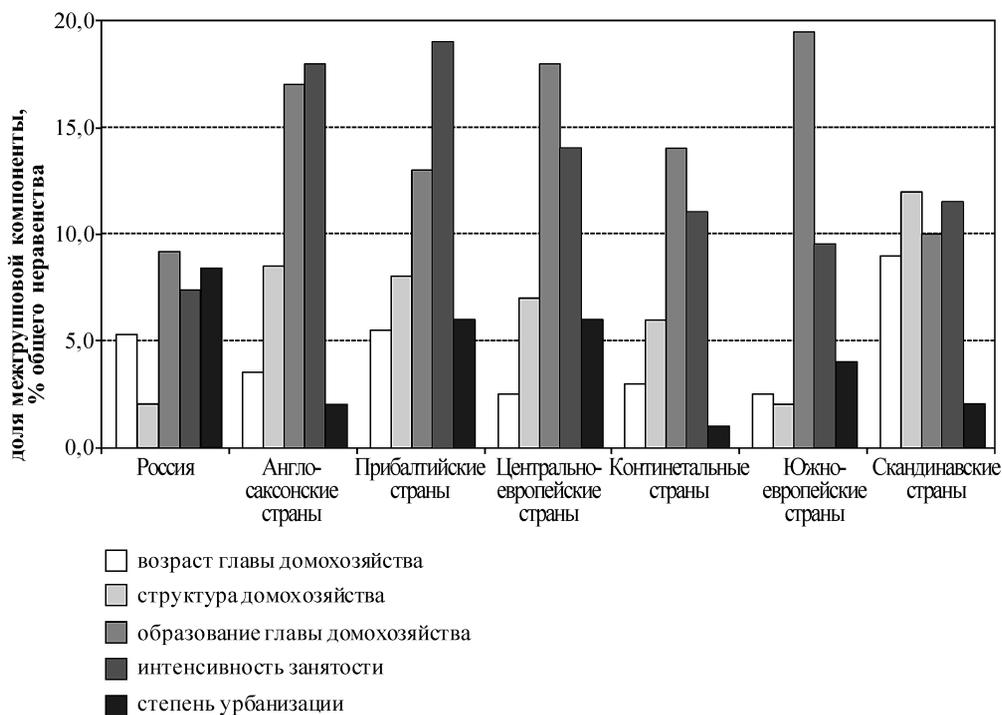

Рисунок 6. Средний вклад социально-демографических факторов в объяснение неравенства по кластерам стран с разными режимами государства благосостояния, 2006

Источник: для стран ЕС [ЕС 2009]; для России рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ 2006 г.

Бедность как индикатор динамики преобладающего стандарта потребления

Подводя некоторый промежуточный итог анализу изменений в доходах населения за двадцать лет постсоветского развития можно отметить, что объем доходов населения уже позволяет выйти на некоторый новый стандарт потребления, в рамках которого ресурсов достаточно не только для покупки предметов и услуг первой необходимости, но и для организации досуга, инвестиций в человеческий капитал и покупку товаров, существенно расширяющих возможности для развития. Расширение ресурсов за пределы стандарта выживания является объективной предпосылкой для развития навыков ответственного потребительского выбора и инвестиционной активности. Ограничения формируются со стороны неравенства

и проявляются не только посредством высокого уровня дифференциации текущих денежных доходов, но и через слабость лифтов восходящей доходной мобильности.

Ясность в сложившуюся ситуацию вносят показатели бедности. В России официальное определение бедности базируется на абсолютной концепции ее измерения, а основным индикатором является доля населения с доходами ниже стоимости прожиточного минимума. По идеологическим соображениям категория «бедность» в Советском Союзе не использовалось [Можина 2001], а ее аналогом служило понятие «малообеспеченности», впервые получившее применение в начале 1970-х гг. при разработке программы помощи детям в малообеспеченных семьях; однако, осуществляя регулирование минимальной оплаты труда, государство опиралось на категории «минимального потребительского бюджета». После либерализации цен в 1992 г. доходы 70% российских граждан опустились ниже уровня прожиточного минимума советского периода [Ovcharova, Popova 2001]. Для того чтобы выявить наиболее нуждающихся в социальной поддержке в новых экономических условиях, пришлось изменить границу бедности и подход к определению прожиточного минимума был пересмотрен: минимальная потребительская корзина 1992 г. оказалась в 2 раза дешевле аналогичной корзины советского периода.

По пересчитанной минимальной потребительской корзине в 1992 г. в число бедных попала треть российского населения (рисунок 7). На этапе экономического роста, согласно официальным данным, наблюдалась устойчивая тенденция сни-

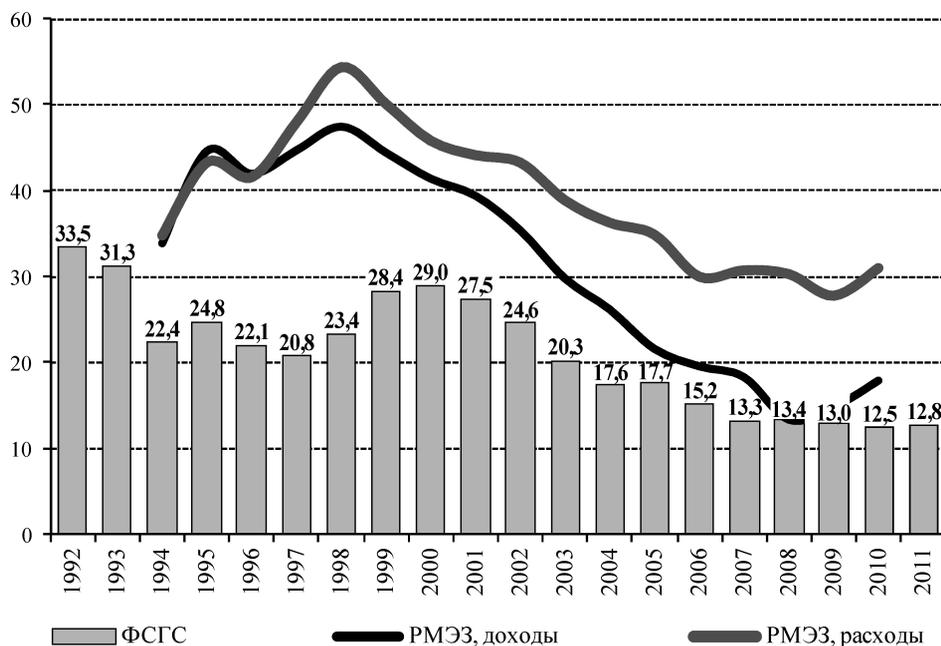

Рисунок 7. Динамика уровня бедности населения России в 1992–2011 гг.

Источник: данные Росстата и расчеты по данным РМЭЗ-ВШЭ.

жения доли бедного населения, и за период 2000–2007 гг. ее сегмент сократился более чем в два раза. Данные РМЭЗ указывают на больший уровень бедности на этапе структурных реформ и более высокие темпы ее снижения в период экономического роста. В 2008–2009 гг. кризис не повлиял на динамику показателей бедности, однако далее, на этапе стагнации, РМЭЗ фиксирует некоторый ее рост.

В любом случае, по результатам всех авторитетных исследований, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума – а именно этот уровень ассоциируется со стандартом выживания – составляет не более 17%. Это означает, что Россия действительно вышла на преобладающую модель потребления более высокую, чем стандарт выживания.

Таблица 3. Динамика уровня монетарной бедности домохозяйств в 1994–2010 гг., РМЭЗ¹⁰

год	все домохозяйства	домохозяйства с детьми до 18 лет	домохозяйства без детей до 18 лет			
			все	состоящие только из пенсионеров	состоящие только из трудоспособных	смешанного типа
1994	33,8	39,9	12,4	0,4	23,9	18,4
1995	44,5	54,2	18,4	3	31	27,7
1996	41,9	49,2	21,9	10,5	29,6	29,1
1998	47,4	56	22,4	4,6	37,3	33,5
2000	41,3	51,2	18,5	1,7	32,2	30,2
2001	39,3	47,5	18,5	3	28,8	29
2002	35,3	44,1	14,7	1,4	25	23,1
2003	29,7	38,6	11,8	0,5	21,6	18
2004	26,1	36,6	10,8	0,4	20,8	15,9
2005	21,5	30,8	8,6	0,6	16	12,6
2006	19,4	26,7	8,9	0,7	17	12,1
2007	18,2	23,9	9,3	0,9	15,2	13,9
2008	13,2	18,8	5,4	0,4	12,6	6,7
2009	14,7	20,9	7	2,5	13,5	8,2
2010	17,8	21,6	6,3	0,5	13,1	5,6

Определить, какие социально-демографические группы населения отличаются повышенным риском попадания в категорию бедных можно только на основе микроданных. Таблица 3 демонстрирует различия в уровнях и динамике бедности российских домохозяйств с разной социально-демографической структурой. Очевидно, что наиболее драматично положение семей с детьми: начиная с периода ре-

¹⁰ Оценка базируется на сопоставлении денежных доходов домохозяйств с величиной их прожиточного минимума.

форм 1990-х и до настоящего момента, домохозяйства, в которых проживают дети, отличаются максимальными рисками бедности. Для семей пенсионеров монетарная бедность, вопреки распространенному стереотипу, нехарактерна. Тенденции изменения долей малоимущих схожи по разным группам семей: среди бедных широко представлены работающие; доля молодых групп в составе бедных выше, чем в составе населения в целом. При этом наличие высшего образования существенно понижает вероятность оказаться в числе малоимущих. Риски бедности по доходам существенно дифференцированы в разрезе типов поселения – максимальными рисками бедности отличаются сельские жители.

На то, что модель выживания перестала быть массовой, указывают не только качественные характеристики структуры прожиточного минимума и масштаб распространения бедности. Согласно официальным данным Росстата, бедные по доходам домохозяйства серьезно оснащены элементами имущества, дающими импульс развития, среди которых следует выделить автомобили, компьютеры и сотовые телефоны: в расчете на 100 домохозяйств небедные домохозяйства имеют 52 автомобиля и 66 персональных компьютеров, а бедные – 32 и 47 соответственно; и бедные, и небедные одинаково оснащены сотовой связью.

Динамика уровня и структуры расходов: в чем особенности новой потребительской модели

Для понимания того, что происходило в потреблении, обратимся к данным об объеме розничной торговли и предоставлении платных услуг. Розничная торговля в статистике наблюдается в разрезе продовольственных и непродовольственных товаров, и доля продовольственных товаров в наблюдаемый период колебалась в пределах 42–48%. Динамика оборота потребительских товаров и услуг, приведенная к сопоставимому виду в ценах 1990 г., представлена на *рисунке 8*.

В 1992 г. все рассматриваемые показатели достигли «дна», потом последовало восстановление, причем оборот услуг восстановился практически в полном объеме, но эта тенденция была прервана кризисом 1998 г. Этап экономического роста, как и в случае доходов, сопровождался высокими темпами восстановления рынка потребительских товаров и услуг, а объем услуг рос опережающими темпами. В целом за анализируемый период времени объем платных услуг, предоставляемых населению, вырос в реальном выражении почти в 2 раза, тогда как розничная торговля увеличилась в 1,2 раза. Настораживает то, что темпы роста продовольственного товарооборота растут быстрее, чем розничная торговля непродовольственными товарами. Но тот факт, что это происходит на фоне сокращения объемов потребления из личного подсобного хозяйства, свидетельствует о формировании более современной потребительской модели. В период структурных реформ личное подсобное хозяйство стало важным ресурсом выживания для

многих российских домохозяйств. Возвращаясь к вопросу о поиске новой потребительской модели, можно констатировать явное смещение потребления в сторону услуг, которое косвенно подтверждает движение по пути от модели выживания к модели устойчивого развития, в рамках которой есть маневр для инвестиций в образование и здоровье, что формирует совсем другое качество человеческого капитала.

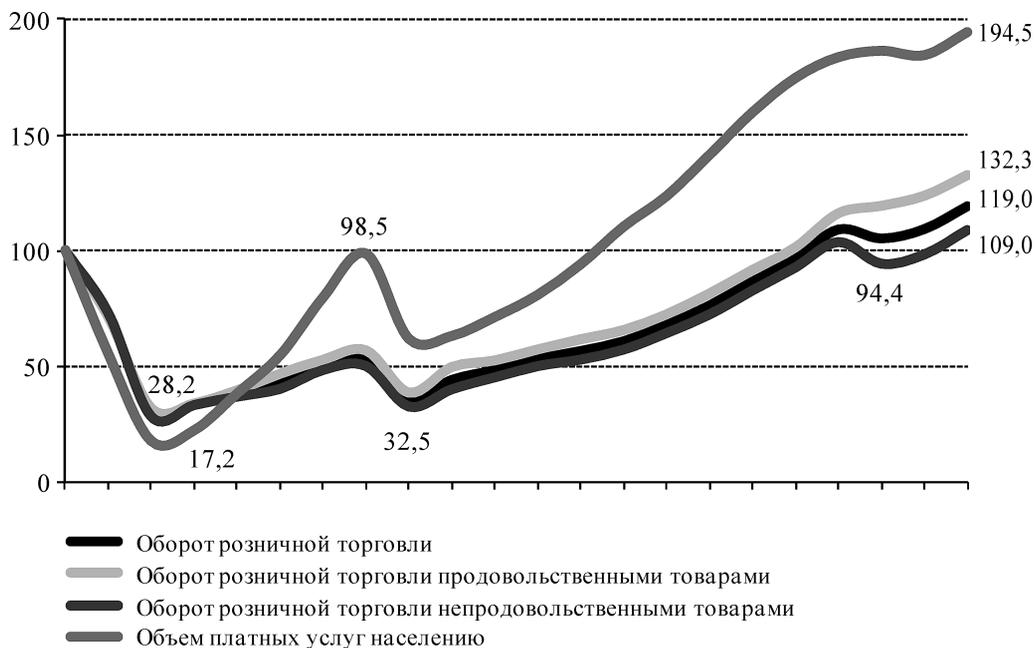

Рисунок 8. Динамика индекса физического объема оборота розничной торговли и платных услуг, в сопоставимых ценах 1990 г., %

Источник: данные Росстата.

Взгляд на структуру денежных расходов через призму укрупненных агрегированных видов расходов показывает, как изменилось финансовое и потребительское поведение домохозяйств. За последние 20 лет население прошло через дефолт по советским сбережениям, участие в финансовых пирамидах в начале 1990-х гг., выход на рынок купли-продажи жилья, массовую включенность в валютные операции. Согласно данным обследования финансового поведения населения, проведенного в 2011 г. Независимым институтом социальной политики при участии авторов, более 70% населения имеют опыт получения и обслуживания кредитов или формирования сбережений. Вместе с тем, в 2011 г., за исключением расходов на жилье, мы наблюдаем структуру расходов, аналогичную 1990 г. (таблица 4), правда, теперь речь идет об объеме расходов, который в сопоставимых ценах в 1,5 раза выше. За цифрами, характеризующими прирост

финансовых активов, скрыто разделение данного вида расходов на прирост наличных денег на руках, включая иностранную валюту и накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах. Расходы на покупку жилья частично скрыты в разделе «обязательные платежи и разнообразные взносы», поскольку именно здесь фиксируются платежи по ипотечным кредитам. В настоящее время около 1 млн домохозяйств, что соответствует 1,8% от общего числа домохозяйств, участвуют в ипотечном кредитовании.

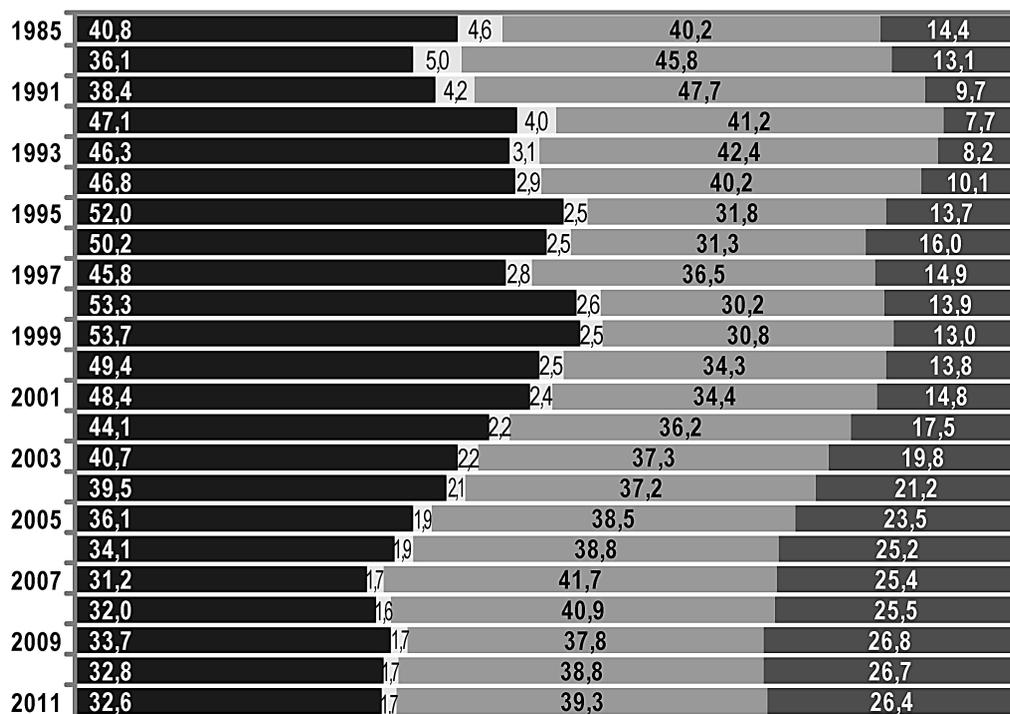
Таблица 4. Структура денежных расходов, %

Денежные расходы и сбережения В том числе:	1980	1990	1995	2000	2007	2008	2009	2010	2011
– покупка товаров и услуг	84,3	75,3	70,5	75,5	69,6	74,1	69,8	69,6	73,5
– обязательные платежи и разнообразные взносы	11,9	11,8	5,6	7,8	11,8	12,3	10,5	9,7	10,3
– приобретение недвижимости	0,2	0,3	0,1	1,2	3,9	4,7	2,9	3,4	4,0
– прирост финансовых активов	3,6	12,6	23,8	15,5	14,7	8,9	16,8	17,3	12,2
Всего	100								

Источник: данные Росстата.

Наиболее значительные изменения наблюдаются в структуре потребительских расходов населения¹¹ (рисунок 9), одним из важнейших маркеров которых является динамика доли расходов на питание: чем она выше, тем ниже материальный достаток и наоборот. Накануне рыночных реформ доля расходов на питание (по показателю «расходы на покупку продуктов для домашнего питания и питания вне дома») составляла 36,1%, а к 1999 г. она поднялась до 53,7%. Этап устойчивого экономического роста сопровождался ее снижением до 32%, а последние 3 года она удерживается на уровне 33%. Несмотря на существенное снижение доли расходов на питание за последние 10 лет, Россия по структуре потребления домохозяйств все еще далека от развитых стран Европы, где доля расходов на питание составляет не более 20%.

¹¹ Потребительские расходы являются частью денежных расходов, направленных на приобретение потребительских товаров и услуг. Учет производится по полной стоимости товаров и услуг независимо от того, полностью или частично они были оплачены на момент приобретения и для каких целей они предназначались (для личного потребления или передачи на сторону). В составе потребительских расходов не учитываются расходы на покупку произведений искусства, антиквариата и ювелирных изделий, приобретенных в качестве капиталовложений, оплата материалов и работ по строительству и капитальному ремонту жилых или подсобных помещений.

- расходы на покупку продуктов для домашнего питания и на питание вне дома
- расходы на покупку алкогольных напитков
- расходы на покупку непродовольственных товаров
- расходы на оплату услуг

Рисунок 9. Динамика структуры потребительских расходов населения в 1990–2011 гг., %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Сокращение доли расходов на питание, как правило, сопровождается ростом доли расходов на непродовольственные товары и наоборот. Среди расходов на непродовольственные товары наиболее заметно выросли расходы на транспортные средства и топливо, медицинские изделия и предметы личной гигиены. Но самое большое изменение – это снижение доли расходов домашних хозяйств на одежду, обувь, белье и ткани с 26% до 10%.

И, наконец, главная тенденция – довольно заметный рост доли расходов на оплату услуг (с 14,9% в 1997 г. до четверти общего объема расходов в 2006–2011 гг.). Этот показатель продолжал расти и в период стагнации: по отношению к дореформенному периоду (1990 г.) расходы на услуги выросли в 2 раза, по отношению к 1991 г. – в 3 раза.

Основной локомотив роста расходов на услуги – это жилищно-коммунальные платежи, в начале 1990-х гг. опустившиеся до чисто символических 0,7%, а сегодня

составляющие почти 10% потребительских расходов домохозяйств. Вторая отличительная черта нашего времени – высокая развитость и распространенность услуг связи, за которые населению тоже приходится платить. Медицинские услуги, бесплатные на заре постсоветского периода, теперь составляют 1,5% потребительских расходов, а доля расходов на услуги в системе образования формально не изменилась (1,5% как и в 1991 г.), однако 20 лет назад они целиком состояли из расходов на услуги только дошкольного образования, а в настоящее время платная разновидность обучение присутствует во всех уровнях системы образования. Также можно отметить возросшую долю расходов на оплату услуг учреждений культуры. Следует указать и на небольшой рост расходов домашних хозяйств на услуги пассажирского транспорта, но если сюда же включить вышеупомянутое увеличение расходов на топливо (до 3%), на ремонт и покупку транспортных средств, то совокупный рост расходов населения на транспорт за последние 20 лет составит более 10%.

Итак, новые тенденции в потреблении связаны с увеличением расходов на жилищно-коммунальные услуги, культуру, средства связи, транспорт и питание вне дома. Максимально эти тенденции проявляются, когда речь идет о городском населении и еще более ярко, когда оценивается потребление 50% наиболее обеспеченных жителей крупных городов. Инвестируя в обозначенные сегменты потребления большой объем ресурсов, население будет предъявлять более высокие требования к качеству предоставляемых услуг. В секторах экономики с широкими возможностями выбора этот процесс приведет к росту конкуренции, а монополизированные сегменты рынка могут спровоцировать рост социальной напряженности. В фокусе внимания в данном случае оказываются жилищно-коммунальные услуги, и первые шаги, которые необходимо сделать – повысить прозрачность формирования тарифов и ответственность управляющих компаний за качество предоставления оплаченных услуг.

Если сохранится позитивная динамика доходов населения и реализуется макроэкономический прогноз, предполагающий сокращение государственных расходов на образование и здравоохранение, то следует ожидать приток расходов домохозяйств в эти сегменты рынка. Основанием для такой гипотезы является анализ структуры расходов 20% самых высокодоходных домохозяйств, выполненный авторами на основе данных РМЭЗ, согласно которым расходы на образование и здоровье членов семьи для этой категории населения являются приоритетными.

Подводя итог анализу динамики основных характеристик уровня, дифференциации и структуры доходов и расходов населения можно сделать вывод о том, что, действительно, потребление, ориентированное на выживание, перестало быть массовым стандартом для российских домохозяйств, несмотря на высокий уровень неравенства в благосостоянии. Большинство семей имеют определенные ресурсы для развития и возможности для потребительского выбора. Проведенный

в статье анализ позволяет увидеть вектор трансформации массовой модели потребления: сначала – выживание; потом – расходы на товары длительного пользования и развлечения; затем – инвестиции в услуги и развитие. Если расширяются возможности для рационального выбора в секторе домохозяйств, значит, есть новые шансы для повышения эффективности бизнеса, выравнивания уровня жизни на различных этапах жизненного цикла, увеличения доли граждан, способных принимать ответственные решения. Имея некоторый запас прочности, с точки зрения ресурсной обеспеченности, и овладевая навыками принятия ответственных решений в части благосостояния своих семей, граждане предъявляют совершенно иной спрос на товары, услуги и институты, в том числе управленческие и политические. Это приятная новость для тех, кто видит будущее развитие по пути демократизации, повышения качества человеческого капитала и активизации гражданского общества.

Литература

- Авдашева С.Б., Малева Т.М., Овчарова Л.Н., Овчинников М.А., Шаститко А.Е. (2008) Российские редкие классы накануне и на пике экономического роста. М.: Эконом-Информ (*Avdasheva, S.B., Maleva, T.M., Ocharova L.N., Ovchinnikov M.A., Shastitko A.E.* (2008) *Russian Middle Classes on the Eve and at the Peak of the Economic Crisis*. Moscow: Econom-Inform).
- Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Фадеев В., Ясин Е., (2011) Социальные итоги трансформации или двадцать лет спустя // Вопросы экономики. № 8 (*Andrushak G., Ivanter A., Kosareva N., Ovcharova L., Ponomarenko A., Fadeev V. Yasin Ye.* (2011) *Social consequences of the transformation or 20 years later // Voprosy Ekonomiki*. № 8).
- Бобков В.Н. (2012) 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. № 2 (*Bobkov V.N.* (2012) *20 Years of Capitalist Transformations in Russia: Impact on Standards and Quality of Life // Mir Rossii*. № 2).
- Бесстремянная Г.Е., Бурдяк А.Я., Зубаревич Н.В., Овчарова Л.Н., Попова Д.О. и др. (2005) Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. М.: ГУ ВШЭ. (*Bess-tremyannaya G.E., Burdyak A.Ya., Zubarevich N.V., Ovcharova L.N., Popova D.O. et al.* (2005) *Incomes and Social Services: Inequality, Vulnerability, Poverty*. Moscow: SU-HSE).
- Великанова Т.Б., Колмаков И.Б., Фролова Е.Б. (1996) Совершенствование методики и моделей распределения населения по среднему доходу // Вопросы статистики. № 5. (*Velikanova T.B., Kolmakov I.B., Frolova E.B.* (1996) *The Improvement of Methodology and Models of the Distribution of Population by per capita Income // Voprosy Statistiki*. № 5).
- ИСЭПН (2003) Дифференциация экономического благосостояния и возможные пути ее снижения (итоговый доклад). Программа фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире». М. (ISESP (2003) *Differentiation of Economic Well-being and the Ways to Reduce it (Final Report)*. The Fundamental Research Programme of the Social Research Sector of the Russian Academy of Sciences 'Russia in the globalizing world'. Moscow).
- Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств (2003) / Давыдова Н.М., Меннинг Н., Сидорина Т. Ю., Тихонова Н.Е. и др., под общ. ред. О.И. Шка-

- ратана. М.: ГУ ВШЭ (*Shkaratan, O.I.* (eds.) (2003) *Social Policy of the State and Households' Strategies for Survival*. Moscow: SU HSU).
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников В.Р.* (2001) Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ-ВШЭ (*Gimpelson V.E., Kapelyushnikov V.R.* (2001) *The Russian Labor Market: Adaptation Without Restructuring*. Moscow: SU-HSE).
- Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г.* (2012) Прошай, нищета! // Вестник Европы. № 34-35 (*Dmitriev M.E. Misikhina S.G.* (2012) *Goodbuy, poverty!* // *Vestnik Evropy*. № 34-35).
- Капелюшников Р.И.* (2009) Конец российской модели рынка труда? // <http://www.polit.ru/lectures/2009/04/23/kapelyushnikov.html> (*Kapelyushnikov R.I.* (2009) *The End of the Russian Model of the Labor Market?* // <http://www.polit.ru/lectures/2009/04/23/kapelyushnikov.html>).
- Корчагина И.И., Овчарова Л.Н., Турунцев Е.В.* (1999) Система индикаторов бедности в переходный период в России. Научный доклад. № 98/04. М.: РПЭИ. (*Korchagina I.I., Ovcharova L.N., Turuntsev E.V.* (1999) *The System of Poverty Indicators in the Transition Period in Russia*. The EERC report № 98/04. Moscow).
- ПРООН (2003) Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2002 г. М.: ИнтерДиалект (UNDP (2003) *Human Development Report for the Russian Federation 2002*. Moscow: InterDialect).
- Сбережение народа (2007). Римашевская Н.М. (науч. ред.), Бочкарева В.К. М.: Наука (*Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K.* (eds) *Saving the People* (2007). Moscow: Nauka).
- Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю.* (2003) Социальная политика: Учебное пособие. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ (*Smirnov S.N., Sidorina T.Yu.* (2003) *Social Policy: a Textbook*. Moscow: SU HSE).
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. (1995) / Госкомстат России. М. (Social Situation and Living Standards of the Population of Russia: Statistical digest (1995). Goskomstat of Russia. Moscow).
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. (1997) / Госкомстат России. М. (Social situation and living standards of the population of Russia: Statistical digest (1997). Goskomstat of Russia. Moscow).
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. (2001) / Госкомстат России. М. (Social Situation and Living Standards of the Population of Russia: Statistical digest (2001). Goskomstat of Russia. Moscow).
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. (2007) / Росстат. М. (Social Situation and Living Standards of the Population of Russia: Statistical digest (2007). Rosstat. Moscow).
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат.сб. (2012) / Росстат. М. (Social Situation and Living Standards of the Population of Russia: Statistical digest (2012). Rosstat. Moscow).
- Суворов А.В.* (2001) Доходы и потребление населения: макроэкономический анализ и прогнозирование. М.: МАКС Пресс (*Suvorov A.V.* (2001) *Income and Household Consumption: Macroeconomic Analysis and Forecasting*. Moscow: Maks Press).
- Суринов А.Е.* (2003) Уровень жизни населения России: 1992-2002 гг. М.: ИИЦ «Статистика России» (*Surinov A.E.* (2003) *The Standard of Living of the Russian Population in 1992-2002*. Moscow: Statistics of Russia).
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* (2001) Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России и ее регионов в процессе реформ: методы измерения и анализ причинных зависимостей. М.: РПЭИ (*Sheviakov A.Yu., Kiruta A.Ya.* (2001) *Economic Inequality, Poverty and the Standard of Living of the Population in Russia and its Regions During the Reforms: the Methods of Measurement and Analysis of Causal Relations*, Moscow: EERC).
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* (2002) Измерение экономического неравенства. М.: Лето (*Sheviakov A.Yu., Kiruta A.Ya.* (2002) *Measuring Economic Inequality*. Moscow: Leto).

- Ясин Е.Г., Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А. и др. (2011) Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах // http://www.hse.ru/data/2011/04/05/1211687550/Mode_of_life.pdf (Yasin E.G., Andrushak G., Ivanter A., Kosareva N., Ovcharova L., Ponomarenko A., Popova D. et al (2011) The standard of Living and the Lifestyle of the Population of Russia in 1989-2009 // http://www.hse.ru/data/2011/04/05/1211687550/Mode_of_life.pdf)
- Athkinson A.B. (1991) Comparing Poverty Rates Internationally: Lessons from recent studies in developed countries. *The World Bank Economic Review*, 5, 3-21.
- EC 2009. Annual Monitoring Report of Social Situation Observatory. Brussels.
- Forster M.F. (2000) Trends and Driving Factors in Income Distribution in the OECD Area. *OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers №42*. Paris.
- Gorognichenko Y., Sabirianova P.K., Stolyarov D. (2010) Inequality and Volatility. Moderation in Russia: Evidence from Micro-Level Panel Data on Consumption and Income. *Review of Economic Dynamics*, 13.
- IBRD/WB 2006. Equity and Development. *World Development Report 2006*. , Oxford, World Bank and Oxford University Press.
- Mack J., Lansley S. (1985) *Poor Britain*, London, George Allen and Unwin.
- Mitra P., Yemtsov R. (2006) Increasing Inequality in Transition Economies: Is There More to Come? // *World Bank Policy Research Working Paper №. 4007*. Washington DC.
- OECD 2008. *Growing unequal? Income Distribution and Poverty in OECD countries.*, OECD Publishing.
- Ovchrova L., Popova D. (2001) What Kind of Poverty Alleviation Policy Does Russia Need? *Russian Economic Trends*, 10.
- Ravallion M. (1992) *Poverty Comparisons: A Guide to Concepts and Methods* Washington DC, IBRD/WB.
- Ravallion M., Lokshin M. (1999) Subjective Economic Welfare. *Policy Research Working Paper №. 2106*. Washington DC: The World Bank, Development Research Group
- Sen A.K. (1997) *On economic inequality*. Oxford, Clarendon Press.
- Shorrocks A. (1984) Inequality decomposition by population subgroups // *Econometrica*. № 52, 1369-1386.
- Shorrocks A.F. (1980) The Class of Additively Decomposable Inequality Measures // *Econometrica*. № 48, 613-625.
- Stiglitz J.E., Sen A.K., Fitoussi J.-P. (2009) Report by the Commission on the Measurement.
- UNDP 2010. *Human Development Report 2010: The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development*, New York, Palgrave Macmillan.